

УДК 658.5

АНТИКОРРУПЦИОННЫЙ МОНИТОРИНГ КАК ФОРМА ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Вакулина К.В., студент гр.БЭс-161.2, V курс
Научный руководитель: Тюленева Т.А., к.э.н., доцент
Филиал Кузбасского государственного технического университета
имени Т.Ф. Горбачева в г.Прокопьевске
г. Прокопьевск

Антикоррупционный мониторинг как форма государственного контроля в России получил название независимой антикоррупционной экспертизы. Применительно к нормам законодательства - это одна из мер выявления и устранения коррупциогенных факторов, оказывающих негативное воздействие на экономику.

Предметом данной экспертизы является содействие положению нормативных правовых актов. Как правило, речь идет о выявлении и пресечении должностных полномочий официальной властью Конституции России с учетом последних изменений и принятия срочных решений.

Проблемы антикоррупционного мониторинга в 2020 году мало отличаются от случаев более ранних разновидностей борьбы с действиями коррумпированных исполнителей России. Мониторинг производится специальными посредниками, которые аккредитованы министерством юстиции и некоторыми негосударственными уполномоченными структурами. При этом проведение независимой экспертизы доверяется системного и политическому анализу, чьи полномочия практически не ограничены, несмотря на необходимость соблюдения правил эффективного взаимодействия между властью и обществом [1].

Исторические предпосылки в плане развития в России антикоррупционного комитета тесно связаны с опытом злоупотреблений должностными лицами и финансовыми структурами в других странах. Впервые в РФ заговорили о мерах относительно государственного контроля еще в 1991 году в связи с переходом к рыночной экономике. Советская экономическая система не позволяла развиваться коррупции в особо крупных размерах, при этом проблемные вопросы имели место даже в 1960-1970-е годы. Исходя из таких положений, можно констатировать, что антикоррупционный мониторинг как форма государственного контроля имеет как проблемы, так и перспективы реализации в ближайшие годы.

Обсуждаемый пакет принимаемых мер весьма широк. За один только 2019 год московским следственным комитетом было выявлено более 50 нарушений в сфере торгово-экономических отношений. Планы реализации

данных мер на данный момент находятся под вопросом, так как рассматриваемая в данной статье практика тесно связана со СМИ, Минфином, минюстом и минэкономразвития одновременно. Кроме того, для решения особо тяжких преступлений в связи с коррупционными действиями прибегают к помощи ФСБ и правоохранительных органов.

Цели в данном случае разные:

1. Выявление факторов, создающих условия для финансово-экономических злоупотреблений.
2. Отслеживание каналов сбыта финансовых средств, полученных преступным путем либо вследствие злоупотреблений.

Такие положения по многим аспектам считаются переходными, и на практике меры пресечения бывают разные. В одних случаях, если мы говорим о российских методах борьбы с коррупционными действиями, речь идет о мониторинге на уровне городов, регионов и на общероссийском уровне. При этом в мире есть страны, в которых мониторинговая деятельность либо находится под запретом, либо не практикуется. К таким странам сегодня относят Колумбию, Мексику, Венесуэлу и практически все страны Африки.

Однако серьезные меры в области мониторинга противокоррупционной деятельности имеют место в США, странах Европы и в Новой Зеландии. При этом самые суровые меры наказания в результате длительной мониторинговой практики за чиновниками и предпринимателями по факту их злоупотребления имеют место в исламской цивилизации, особенно в ОАЭ и в Саудовской Аравии [2].

Таким образом, антикоррупционный мониторинг как форма государственного контроля связан напрямую с проблемами и перспективами реализации по целому ряду показателей. В сфере экономических злоупотреблений, финансово-аналитических недоимок и иногда в связи с пересмотром налогового законодательства. Как показывает российская практика последних 20 лет, в большинстве случаев мониторинг в государственном контроле связан с международными экономическими и валютно-финансовыми отношениями. При этом перспективы реализации проекта достаточно условны [3, 4].

Они связаны с оборотом ликвидных средств, а также при перерасчете основных фондов в рамках МЭО-проблематики. Иными словами, международный бизнес сегодня наиболее уязвим в связи с многочисленными проверками дебетово-кредитовых отчислений, пенсионным фондом, фондом перерасчета аккредитивов, как отзывных, так и не отзывных. Мы полагаем, что теоретический подход применительно к данной проблематике неоднозначен.

Его функции и ролевые отношения связываются в силу финансово-экономических и правовых недоимок в бюджете государства, что и приводит к необходимости государственного мониторинга. От частного он отличается качественными показателями, а также уровнем защищенности со стороны правовой базы данных. То есть не в каждой стране мира, в отличие от России, есть возможность осуществлять мониторинговые антикоррупционные действия от лица частных и судебных исполнителей на базе арбитражного суда.

В данном случае концепция антикоррупционного мониторинга как форма государственного контроля зависит от скорости оборота капитала в единицу времени, а также в связи со снижением значимости контролирующих органов на базе ФСИН.

Несмотря на трудности выявления и доказательства причастности и факта вины государственных высокопоставленных служащих, институт антикоррупционного мониторинга имеет место и эффективно развивается в наиболее благополучных странах мира. В России данный орган неоднократно подвергался критическим отзывам с 2011 по 2015 годы, хотя меры противодействия принимались на уровне ФСБ России. Исследования данного вопроса показывают, что перспективы реализации проекта существуют. К 2024 году будут выявлены более 40 направлений деятельности следственных органов в связи с новым этапом мониторинга коррупции в субъектах РФ.

Это вызвано растущим недовольством населения России из-за низкого уровня развития правовой базы знаний и трудностей поиска и поимки государственных чиновников, уличенных в коррупции. Несмотря на принятые меры, данный вопрос пока еще далек от завершения. Однако перспективы реализации вызваны методами работы независимой антикоррупционной экспертизы правовых актов.

Санкции прокурора и меры противодействия согласуются по многим типам критериев. Речь идет как об экономических, так и тактико-технических составляющих реализации. На практике это выражается в том, что следственные органы вынуждены ездить из одного субъекта РФ в другой с целью дознания документационной составляющей, первичном поиске виновных, составлении отчетности о проделанной работе. Как правило, эффективность подобных мероприятий значителен на высоком уровне.

Таким образом, проблемы и перспективы реализации по многим показателям согласуются с российской и мировой правовой базой и создают предпосылки для выхода на новый уровень взаимодействия между государством и частным производственным сектором. Однако, мы бы хотели особенно подчеркнуть механизмы развития антикоррупционного мониторинга на примере города Москвы.

Дело в том, что данный мегаполис на 68% формирует свой капитал в виде налоговых поступлений в связи с продуманным антикоррупционным мониторингом на государственном уровне. Несмотря на критические отзывы, государство прилагает все усилия, чтобы снизить зависимость государственного контроля от необходимости мониторить комитеты по борьбе с коррупцией.

Методы работы проверяющих структур практически не отличаются от аналогов европейских стран, хотя в России выработана своя собственная специфика по работе с обращениями. В 34% случаев мониторинговая деятельность в РФ эффективна, тогда как в Новой Зеландии данный сегмент превышает 81% раскрываемости за отчетный период.

Возвращаясь к проблематике антикоррупционного мониторинга как формы государственного контроля, мы утверждаем, что данное исследование доказало наличие проблемы и перспективы реализации до 2025 года. Из данного положения следует, что государство принимает возможные меры для снижения уровня напряженности вокруг мониторинга коррупции, принимая во внимание негативные отзывы участников и государственных структур. Таким образом, мы полагаем, что рассматриваемая проблематика раскрыта как с точки зрения российской, так и международной практики в самой широкой ее проблематике мониторинга бизнеса и деятельности политических структур.

Список литературы:

1. Кабанов П. А. Основные задачи антикоррупционного мониторинга в субъектах Российской Федерации: опыт сравнительно-правового исследования // Мониторинг правоприменения. 2011. № 3. С. 4-7.
2. Полукаров А. В. Административно-правовое регулирование антикоррупционного мониторинга в социальной сфере // Современное право. 2017. № 2. С. 28-35.
3. Повышение эффективности системы внутреннего контроля внеучебной работы высшего учебного заведения / Самиева М.Ф., Тюленева Т.А. // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2020. № 4 (40). С. 215-223.
4. Налоговый контроль как инструмент обеспечения финансовой безопасности Российской Федерации / Тюленева Т.А. // Современные тенденции и инновации в науке и производстве. материалы VII Международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию филиала КузГТУ в г. Междуреченске. 2018. С. 234-236.